

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Тайна
Голубиной книги

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием
«Последняя загадка Ивана Грозного»

Александрова, Наталья.

А46 Тайна Голубиной книги : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-106712-0

Три тысячи лет назад в Иерусалиме спустились с небес три птицы говорящие, три птицы с лицами человеческими и принесли книгу несказанную, небывалую, на сорок замков запертую, на сорок печатей запечатанную... И было в той книге написано все, что случилось на земле от самого начала времен, и все, что будет до их скончания. Кто владеет той книгой, тот знает все тайны, кто прочтет ту книгу, тот получит власть небывалую...

Православные священники спрятали редкую реликвию в тайном месте, чтобы она не попала в руки слуг Антихриста. Но спустя пять веков книга вновь оказалась в опасности. Удастся ли противостоять силам зла?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106712-0

© Н. Александрова, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

— В этом зале вы видите императрицу Екатерину Великую и ее приближенных — графа Григория Орлова, князя Потемкина-Таврического, выдающегося полководца Александра Васильевича Суворова...

Императрица, пышная немолодая дама в открытом платье, восседала в глубоком кресле, высокомерно глядя на посетителей музея. Казалось, она хотела спросить, как они посмели нарушить ее царственный покой. Орлов и Потемкин ревниво переглядывались, Потемкин поправлял шелковую повязку на глазу. Худенький, невзрачный Суворов явно томился в уголке, с неудовольствием наблюдая за придворными интригами. Видно было, что ему душно во дворце, что ему не терпится выехать к войскам или, на худой конец, удалиться в свое поместье.

Группа посетителей музея восковых фигур сучала, совершенно не интересуясь историческими личностями восемнадцатого века и их сложными взаимоотношениями.

Состав группы был случайный — молодая парочка, заглянувшая в музей, чтобы спрятаться от дождя, две жизнерадостные старушки, которые на всем протяжении экскурсии о чем-то вполголоса переговаривались и громко хихикали, как непосед-

ливые школьницы, унылый папаша с двумя одинаковыми мальчишками лет семи — жена наверняка выперла его с сыновьями на прогулку, чтобы без помех навести в доме порядок и посмотреть любимый сериал.

Экскурсовод, высокая женщина с черными, коротко стриженными волосами и большим, слишком ярко накрашенным ртом, оглядела своих слушателей и скомкала выступление.

— В следующем зале расположены герои кино и мультфильмов, — произнесла она пренебрежительно, — можете осмотреть их самостоятельно. Выход дальше по коридору...

Публика с облегчением удалилась. Только один человек, до сих пор державшийся в тени, остался в Екатерининском зале.

— А вы что же не идете? — раздраженно осведомилась экскурсовод. — Я же сказала, что выход...

И только теперь она разглядела одинокого посетителя.

Это был удивительно худой мужчина в черном костюме и черной же водолазке, с выбритой наголо головой и очень темными, глубоко посаженными глазами.

— Ночь темнее всего перед рассветом, — проговорил он неожиданно звучным голосом.

Женщина вздрогнула и заметно побледнела, от чего ее слишком яркий рот показался окровавленным. Она опасливо оглянулась на соседний зал, откуда доносились голоса расшалившихся старушек, и вполголоса произнесла:

— Во имя Того, кто возвестит приход утра!

Затем она прижала палец к губам и, еще раз оглянувшись, зашла за бархатную портьеру, отделявшую

зал Екатерины от маленького служебного помещения. Бритоголовый посетитель безмолвно последовал за ней.

Посреди служебной комнаты стоял рабочий стол, заваленный обрезками тканей, кружев и золотого шитья. Перед столом — простой деревянный стул с жесткой спинкой, в глубине комнаты — высокий двустворчатый шкаф с резными дверцами.

Женщина, по-прежнему не говоря ни слова, заперла дверь на ключ, открыла шкаф. Внутри он был заполнен костюмами разных эпох и народов — шитыми серебром и золотом камзолами, греческими туниками, тяжелыми пышными одеяниями восточных владык, фраками и сюртуками девятнадцатого века.

Брюнетка раздвинула эти костюмы и шагнула в шкаф. Бритоголовый господин подошел ближе, с удивлением наблюдая за ней.

Женщина провела рукой по задней стенке шкафа, нашла незаметную со стороны защелку. Стенка отъехала в сторону, за ней открылся темный проем, из которого потянуло холодом и сыростью.

По-прежнему безмолвно женщина шагнула в темноту, затем повернулась к своему спутнику. Он последовал за ней. Пропустив его вперед, женщина закрыла потайную дверцу.

Спутники оказались в полной темноте.

Чиркнула спичка, затем с треском и шипением вспыхнул факел. Запахло смолой и дегтем, из темноты проступили мрачные каменные стены и круто уходящие вниз ступени.

И еще... еще из темноты проступило лицо бритоголового мужчины — мрачное, костистое. На какой-то миг женщине показалось, что это не лицо живого человека, а мертвый оскаленный череп с пылающими

в глубине глазниц углями. Впрочем, наваждение быстро прошло.

Женщина наконец взяла себя в руки и заговорила, причем, она произнесла всего три слова:

— Нам сюда, мессер!

И снова в молчании они пошли вниз по лестнице.

Спускались очень долго. Женщина шла впереди, стараясь не оборачиваться, но все время чувствовала спиной пристальный взгляд своего спутника.

Наконец лестница закончилась, и перед ними из темноты возникла грубая дубовая дверь. Женщина достала из кармана большой бронзовый ключ с резной бородкой, вставила в замочную скважину, повернула, открыла дверь. Переступив порог, зажгла два факела, укрепленных на стене, и только тогда пригласила внутрь своего спутника.

Они находились в просторном круглом помещении со сводчатыми потолками. В центре стоял алтарь из черного полированного гранита, на нем — два серебряных подсвечника, каждый на пять свечей, алебастровый сосуд и подставка для книги. Свечи в подсвечниках были черные.

Женщина зажгла эти свечи и повернулась к бритоголовому господину:

— Мы пришли, мессер.

Пламя свечей потянулось к сводчатому потолку, в воздухе запахло лавандой, полынью, чабрецом и еще какими-то травами, от которых кружилась голова и душу охватывала тоска.

— Я вижу, сестра, ты поддерживаешь святилище в порядке! — одобрительно проговорил мужчина, достав из кармана четки.

Они были весьма необычны, вместо бусин — маленькие черепа из черного дерева.

— Во имя Того, кто возвестит приход утра! — отозвалась женщина.

— Рад, что и в этой далекой стране есть преданные люди! Братья и сестры в Италии также рады будут об этом узнать. Да будет с тобой Его воля!

— Я жду и надеюсь на Его пришествие!

— Но ожидать — это малая часть нашего служения. Мы должны приближать Его приход.

— Что я могу сделать для этого?

— Ты понимаешь, сестра, что я не случайно приехал к тебе. Слышала ли ты про сестру Розамунду из Генуи?

— Не та ли это сестра, которая умеет читать будущее, как открытую книгу?

— Да, это она... — Мужчина повернулся к алтарю. — Ты знаешь, что по всему миру разбросаны сотни таких же святилищ, на сотнях алтарей горят черные свечи...

— Во имя Того, кто возвестит приход утра! — поспешно выпалила женщина.

— Да-да... но ты знаешь также, сестра, чего не хватает на всех этих алтарях.

— Книги! — Глаза женщины вспыхнули странным огнем.

— Да, книги... точнее — Книги, Книги с большой буквы! Так вот, сестра Розамунда узнала, что скоро завершится жизненный путь того, кто стоит между нами и этой Книгой!

— Библиотекаря? — переспросила женщина с оттенком страха и неприязни.

— Последнего из библиотекарей, — подтвердил бритоголовый. — Таким образом, у нас появляется шанс выполнить свое предназначение и приблизить Его приход.

— Что я должна для этого сделать?

Бритоголовый подошел к женщине очень близко и заговорил хриплым шепотом, перебирая четки.

— Ну вот, Илья Васильевич, курс и закончился! — Лариса говорила преувеличенно жизнерадостным голосом, каким всегда разговаривают с больными платные медсестры. — Теперь вы взбодритесь, станете выходить на улицу... Сейчас погода хорошая, лето только кончилось, будете гулять в парке...

Между делом она собирала свои вещи, убирала стетоскоп и бутылочку со спиртом, аккуратно собрала в пакет использованные шприцы и осколки ампул.

— Думаете, встану? — спросил старик серьезно и посмотрел вдруг прозрачными глазами прямо Ларисе в душу.

Она осеклась на полуслове и отвернулась, чтобы он ничего не смог прочитать по ее лицу. Слаб старичок, она-то видит. Вряд ли ему уколы помогут. Оттянут только то, что должно произойти вскорости.

— Привык к вам, Ларочка, — сказал Илья Васильевич грустно, — жалко вас отпускать.

— Я тоже... — Лариса улыбнулась и пошла на кухню, чтобы выбросить мусор.

В самом деле ей тоже жаль старика, он совсем одинокий, сидит в своей квартире, приходит к нему только соседка — тоже не первой молодости, она убирает и готовит немудреную еду. Старик не злобный, довольно опрятный, не пахнет от него нищей старостью и запустением. И хоть обстановка в квартире бедная, стариковская, какие-то деньги у Ильи Васильевича явно имеются, раз платные уколы может себе позволить. Впрочем, Лариса берет по-божески.

Старик полусидел на диване, потирая левую сторону груди.

— Вам плохо? — встревожилась Лариса. — После укола сразу вставать нельзя, полежите!

— Да я и так все лежу, — вздохнул он, — Ларочка, детка, подойдите ближе.

Лариса нехотя сделала шаг. Старикан-то не промах, как полегчает ему — сразу начинает болтать, хвастаться, какой имел успех у женщин в те незапамятные времена, когда у нас Деникина разбили. Ларису по ручке поглаживает, а один раз даже по попе шлепнул. Она сделала вид, что не заметила — не скандалить же с больным человеком.

Но сегодня старик не такой, как всегда. Выглядит усталым, никакой бравады. И этот взгляд пронизывающий — как будто видит всех людей и предметы насквозь. Ларису тоже видит и знает про нее такое, что она и сама-то про себя не знает.

— Я хотел поблагодарить вас за все... — сказал Илья Васильевич и взял Ларису за руку. — Дорогая, вы мне очень помогли!

— Да что вы! — Лариса сделала слабую попытку отнять руку. — Это моя работа.

— Я бы хотел пожелать вам... — старик держал руку крепко, — пожелать вам...

— Чтобы все мои желания исполнились! — Лариса со смехом отняла наконец свою руку.

— Э, нет! — Илья Васильевич помотал головой. — Вы сами не знаете, чего хотите! То есть вы думаете, что если это получите, то будете счастливы!

— Но разве это не так? — растерянно спросила Лариса.

Ее нервировали этот разговор и взгляд старика — такой пронизывающий, серьезный...

— Главное — понять, — загадочно ответил ее собеседник, — и... вот я хотел вам подарить на прощанье.

Он поднял одну из диванных подушек, грудой наваленных рядом с ним, потом отбросил еще одну и вытащил на свет белый какой-то старый ящичек, от которого на Ларису пахнуло застарелой пылью. Она едва удержалась от желания чихнуть.

— Вот, — старик поставил ящик на колени, — это шкатулка. Очень старинная.

— Да мне ничего не надо! — поспешно сказала Лариса. — Вы за все расплатились, ничего мне не должны.

— Это подарок! — твердо сказал старик. — Не знаю, зачем я это делаю... то есть знаю... Извини, девочка, но так уж судьба решила...

Он поднял крышку, которая противно заскрипела. Лариса зажала нос, потому что запах пыли стал совершенно невыносимым.

— Илья Васильевич, спасибо вам большое, но мне на работу нужно!

— Да, конечно.

Он опустил крышку шкатулки и тут же снова ее поднял, но не сразу, а рывками, так что скрип получился прерывистый, как будто старое дерево решило что-то спеть. Но получился только хрип.

Старик удовлетворенно заглянул внутрь шкатулки и захлопнул крышку.

— Вот, возьмите, Лариса. И не стоит вешать голову, все еще будет у вас в жизни отлично!

Шкатулка была ужасно старая, дерево рассохлось и потемнело. При мысли о том, сколько людей прикасались к ней за это время не слишком чистыми руками, в душе Ларисы подняла голову медсестра.

Преодолевая брезгливость, она спрятала шкатулку в непрозрачный пакет и вышла, решив избавиться от такого подарочка при первой же возможности.

Лариса аккуратно закрыла за собой дверь и подергала ее, проверяя, захлопнулся ли замок. Тотчас отворилась соседняя дверь, и в щелочку высунулся любопытный нос Анны Павловны.

— Уколола? — задала она традиционный вопрос.

— Угу, — буркнула Лариса и поскорее отвернулась к лифту.

Но не тут-то было. Старуха была твердо настроена поговорить. Она вышла на площадку, запахнув на груди вязаную кофту, и набрала побольше воздуха в легкие.

«Сейчас начнется», — с тоской подумала Лариса, нажимая кнопку, и не ошиблась.

— Твои-то снова поругались! — сообщила Анна Павловна радостным голосом. — Вон в газете написано, и фотка есть. На приеме каком-то важном старшая у младшей жениха принялась отбивать. Ну, та терпела-терпела, да и сказала сестричке, кто она есть. По-простому, по-русски.

Лариса все жала на кнопку вызова лифта, как будто это могло ускорить дело. Лифт и не думал появляться.

— И то сказать, — бойко сыпала скороговоркой Анна Павловна, — конечно, нехорошо на людях шум устраивать, но ведь и вешаться на чужого мужика тоже неприлично. А твои-то вечно сварятся, видно, мамаша их плохо воспитала.

— Они не мои, — процедила Лариса, — я сама по себе, за них не отвечаю.

— Как не твои? — Анна Павловна выкатила глаза. — Нешто можно так — к родне не признаваться?

«Стукнуть ее, что ли, сумкой, — с тоской подумала Лариса, — или вот пакетом...»

Старуха что-то почувствовала и перевела взгляд на пакет. Глазки ее подозрительно блеснули.

— А это чегой-то? — спросила она и тут же прикусила язык, сообразив, что ляпнула лишнее.

В самом деле, Лариса ей никто, и Илья Васильевич не поручал ей присматривать за своими посетителями. Откровенно говоря, и не ходит к нему никто, кроме Анны Павловны и Ларисы. Старуха готовит больному немудреные блюда, подметает и вытирает пыль, на большее у нее и сил не хватит. Лариса знает, что Илья Васильевич соседку не то чтобы недолюбливает, но не хочет общаться, разговаривать им особо не о чем.

Лариса порадовалась, что сообразила убрать шкатулку в непрозрачный пакет, старуха — жуткая сплетница, не хватало еще, чтобы она разнесла по всему дому, что Лариса таскает у пациентов ценные вещи. Тоже мне, ценность — старая рухлядь, до помойки не донести — развалится...

А Анна Павловна та еще пройда, третьего дня Лариса прошла незаметно на кухню, чтобы выбросить пустые ампулы, и собственными глазами видела, как старуха сунула в карман халата серебряную солонку. Так что чья бы корова мычала...

Лифт наконец раскрыл двери на их этаже, и Лариса ринулась в него, как будто за ней гнался маньяк-убийца.

— А он-то как? — спохватилась Анна Павловна, кивнув на дверь квартиры.

— Вы его проведайте, после укола голова может закружиться, — крикнула Лариса.

— Зайду, а как же! — закивала старуха. — Как не зайти...

Путь Ларисы лежал через двор мимо помойки. Она хотела было выбросить шкатулку вместе с пакетом, но сообразила, что старуха вполне может наблюдать за ней из окна. Увидит и донесет Илье Васильевичу, будет неудобно. Да и зачем человека зря расстраивать? Ему совсем недолго осталось...

Лариса спокойно восприняла эту мысль, много лет она проработала медсестрой и привыкла к болезням и смерти.

Пакет был ужасно неудобный, бил ее по ногам. Да еще сумка большая. И в довершение небо заволкло тучами, и будет дождь. А ей зонтик взять не во что, третьей руки не хватает.

Лариса почувствовала, что настроение, и так с утра не слишком хорошее, стремительно ухудшается. Нужно взять себя в руки, нельзя придавать значения словам глупой старухи.

Но тяжело на сердце стало ей еще до встречи на лестнице. Вот именно, настроение упало после разговора с Ильей Васильевичем.

Неужели с ней все настолько плохо, если ее жалеет больной, да что там, умирающий старик? Сегодня он отбросил свои обычные шуточки и вдруг посмотрел проникновенно светлыми стариковскими глазами и сказал тихо: «Ничего, деточка, не стоит вешать голову. Все будет хорошо, я знаю...»

С чего он взял, что она вешает голову? Заметил, все заметил старик, ишь какой внимательный стал. Перед смертью, наверное. И то сказать, лет ему за восемьдесят, сердце больное и еще куча всего в анамнезе. Проколола ему Лариса витамины и лекарство, чтобы сердечную мышцу укрепить, да нужно ли это? Если организм устанет бороться, то никакие уколы не помогут.